

комментария (в том числе в форме изображений или мемов). Напротив, в устной речи существование околотекстовых элементов отрефлексировано хуже всего, часто воспринимается как необязательное, периферийное и подвергается пейоративным оценкам. Их изучением занимаются при помощи технологий аудио- и видеозаписи, ведь, разворачиваясь во времени, устное взаимодействие дает очень ограниченные возможности для спонтанного анализа. В этой связи интересными представляются возможности нарочитого маркирования «паратекстов» устной речи (в том числе интонации и хезитаций) при ее передаче на письме.

Размышления об «околотекстовых» элементах в различных медийных средах и в разные эпохи, так или иначе, выходят на более общие проблемы организации информации и управления вниманием и, таким образом, требуют привлечения инструментария когнитивной психологии, кибернетики, информационного менеджмента и др. Стремительная цифровизация всех сфер нашей жизни делает насущным разговор о причинах и последствиях информационных революций раннего Нового времени или XIX—XX веков и о принципах взаимодействия и структурирования текстовой, аудио- и визуальной информации в новых медиа. Таким образом, мы надеемся, что начатый в 2023 году в стенах ИЛИ РАН разговор будет продолжен.

Александра Касаткина, Михаил Сергеев

Guilty Pleasure:

РИТОРИКА СТЫДА И ВИНЫ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Международная конференция
**«Предосудительные удовольствия:
стыд, лицемерие, репрезентация»**

*(ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, «Новое литературное обозрение»,
13–14 ноября 2023 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_416

13–14 ноября 2023 года в онлайн-формате при поддержке издательства «Новое литературное обозрение» прошла конференция «Предосудительные удовольствия: стыд, лицемерие, репрезентация». Идея конференции, как она была сформулирована ее организатором *Константином Богдановым* (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) состояла в следующем: «Предосудительное, или постыдное, удовольствие (guilty pleasure) — словосочетание, вошедшее в коммуникативный обиход для определения чувства вины за пристрастия, которые, не будучи криминальными, почему-либо считаются социально предосудительными. Мера такой предосудительности устанавливается субъективно, но связываемое с нею чувство вины и стыда обладает социально значимым характером — как практика адаптации к нормам и ценнос-

тям, которые воспринимаются субъектом в качестве “правильных” или “неправильных”, общественно одобряемых или неодобряемых. Психологическая роль guilty pleasure описывается в исследовательской литературе как инструмент саморегуляции — практика допустимых запретов и разрешений, конфликт внешнего и внутреннего “самосоответствия” и, помимо прочего, лицемерия. При этом, как и любое психологическое явление, guilty pleasure наделено культурными импликациями, отсылающими к опыту традиции и навыкам коллективно надлежащей саморепрезентации. Как выстраивается такая репрезентация в русской (и не только в русской) культуре, что и почему в ней считалось и считается постыдным?»

В приветственном слове к участникам конференции *Ирина Прохорова* («Новое литературное обозрение», Москва) отметила, что интерес к репрезентации этических норм в обществе — тема по определению междисциплинарная, объединяющая усилия исследователей в разных областях знания и потому поучительная как в содержательном, так и методологическом отношении, а именно в прояснении теоретических возможностей гуманитарного знания как области ответственных и доказательных суждений о человеке и обществе. Во вступительном слове Константин Богданов напомнил, что эмоции и чувства — это еще и слова, присутствие которых в культуре обнаруживает свои идеологические причины и следствия. Для филолога, отваживающегося заступать на территорию смежных дисциплин, интерес к таким словам тем оправданнее, чем он дотошнее — при внимании к различным контекстам их появления и употребления. Такими являются и те слова, которые вынесены в название конференции.

Конференция открылась выступлением *Георгия Хазагерова* (независимый исследователь, Ереван, Армения) «*Новая неискренность*», посвященным напускному инфантилизму писателей и ученых как защите от стыда в условиях советской цензуры. Исследователь разделил цензуру на запретительную и положительную, предписывающую обязательное употребление ритуальных фраз. Часто недооцениваемая позитивная цензура нарушает негласную договоренность между пишущими людьми: пиши о том, о чем ты хочешь. Нарушение этой договоренности означает для автора стыд и неловкость, а спасение видится в инфантильной позиции. Исторически отношения между требованиями советской идеологии и реакцией на этот запрос ученых и писателей менялись: от альянса с авангардом 1920-х (искренние, детские черты Маяковского) через переход от гиперболы к символу (любая печь — выплавляет новую жизнь, любая стройка — стройка коммунизма и т.п.) до симулякра (легендарные иллюстрации из «Книги о вкусной и здоровой пище» образца середины 1950-х), развернутой стилистической системы общих мест и синтагматических ассоциаций («Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией И.Н. Денисова и В.В. Морковкина, дежурные цитаты, порождающая грамматика по типу «реки — плодородные», «классы — просторные») и стеба. Именно стеб Георгий Хазагеров считает концом развития инфантилизма, тупиковой ветвью его эволюции¹. В дискуссии речь зашла о возможной креативности инфантилизма и стеба. Георгий Хазагеров склонен думать, что ни о какой креативности в этом случае говорить не приходится; более того, то, что мы склонны принимать и прощать эти явления, говорит скорее и о социальном инфантилизме. В размышлениях же о том, насколько была искренней «новая искренность», Хазагеров подчеркнул важность установления не границы, но тенденции, соотношения искренности и лжи.

1 Подробнее см.: *Хазагеров Г.Г.* Стеб как социально-культурный феномен: «культурная самооборона» или «нравственная амбивалентность»? // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 3. С. 474–486.

Психиатрический разворот темы конференции представил *Иосиф Зислин* (независимый исследователь, Иерусалим, Израиль) в докладе «*Неправедная радость и м(у)ссия поневоле в структуре бреда*», посвященном опыту структурно-семантического анализа текстов бреда в противовес распространенной классификации по сюжетам, которая, по мысли исследователя, путана и мало полезна и клинически, и содержательно². Структурно-семантический анализ предполагает сложную структуру с персонажем (я, агенс) в центре, а также выделение некоего особого качества этого персонажа, которое может восприниматься как негативно, так и позитивно, — и отношение персонажа к этому качеству. Например, пациент полагает, что является избранным, мессией (положительное качество), но он не хочет быть таковым и просит освободить его от этого бремени (негативное отношение к особому положительному качеству). Иосиф Зислин приводил примеры таких схем не только из своей практики, но и из истории, распределяя царей, пророков, монахов, юродивых по шкале агенсов и рефлексивных auto функций. «Любимым» бредом самого врача является бред любовного очарования. Интересно, что рефлексивная функция отношения к своему особому качеству или кому-либо/чему-либо особенно вне себя есть признак личности, а не психоза. С этим связана сложная диагностика детей: чтобы ребенок начал бредить, у него должен появиться набор сюжетов. В старости эти сюжеты уходят.

В дискуссии предсказуемо возник вопрос о сближении художественных текстов с врачебной практикой в стиле «Психологического литературоведения» В.П. Белянина, когда любой текст любого писателя может стать полем для аналитики психиатрической. По этому поводу Иосиф Зислин разумно заметил, что художественные тексты, похожие на бред, таковым не являются, и психиатрам не следует в этом обманываться.

В филологическую плоскость конференцию вновь перевела *Ирина Савкина* (Университет Тампере, Финляндия) выступлением «*“Стыд и срам”: женское чтение и письмо в литературе первой половины XIX века*», целью которого было продемонстрировать, как и почему проникновение женщины в запретное пространство библиотеки изображалось как постыдное удовольствие, а женское письмо — как бесстыдное. Безусловно, уже не раз исследованный сюжет было интересно представить в контексте конференции как (не)лишнее напоминание о том, до какой степени лицемерия и неумного морализаторства может дойти любое, даже на первый взгляд просвещенное человеческое общество. Итак, книга изображается как развращение барышни, более того, чтение искушает девушку на дальнейший разврат — самостоятельное творчество. Критиками женской эмансипации в повестях С. Победоносцева, в сочинении Рахманного (Н. Веревкина) «Женщина-писательница» (1837) фактически ставится знак равенства между публикующейся женщиной и женщиной публичной, а перо для письма приобретает фаллические ассоциации. Писательницы того времени, разумеется, не оставляют без внимания подобные общественные настроения и реагируют на них по-своему. В докладе Ирина Савкина анализирует произведения Елены Ган («Напрасный дар», 1842), Александры Зражевской («Зверинец», 1842), Каролины Павловой («Двойная жизнь», 1844—1847), Надежды Соханской («Автобиография», 1846), в которых чтение и желание писать описываются как грех, страсть или вызов.

В дискуссии после доклада Константин Богданов упомянул книгу Томаса Лакера «*Solitary Sex: A Cultural History of Masturbation*» (2003), в которой понятие мастурбации соотносится с историей запретов как таковых. Под таким углом зрения

2 Подробнее об этом методе см.: *Куперман В., Зислин И.* К структурному анализу бреда // Солнечное сплетение. 2001. Т. 18—19. С. 254—270.

запрет на чтение (про себя) и письмо (для себя) позволяет нам уточнить общую картину запретительных мер социальной (само)идентификации.

Светлана Волошина (РАНХиГС, Москва) в докладе «*Главная версия этой срамной истории*»: записки М.А. Корфа о постыдных удовольствиях других» проанализировала дневник государственного деятеля Модеста Андреевича Корфа (1800—1876) с точки зрения истории жанра и случаев описания им скандальных происшествий и интимных фактов биографии своих современников. Большая часть заметок Корфа обращена к политическим сюжетам, городским происшествиям, жизни аристократов и высоких чинов. Начало дневника относится к 1838 году, и уже с 1840 года все больше внимания автор уделяет анекдотам о разных постыдных событиях и физиологическим подробностям, при этом просто рассказывая, докладывая о подобных происшествиях, не осуждая их героев; ничего подобного о себе он при этом не пишет. Мотивации для записи подобных сюжетов могут быть разными: возможно, М.А. Корф полагал интимную жизнь важной частью жизни государственной. Пример стыдных и постыдных подробностей этого дневника можно привести в широком контексте формирования нормативной рамки дозволенного и запрещенного.

Доклад Константина Богданова «*Риторика приспособления. Пьянство и русская литература*» был посвящен обзору подходов к изучению алкоголических сюжетов и сопутствующих им авторских репутаций. В каждом конкретном случае это персональные истории, но и персональные истории, как подсказывают медики, позволяют судить об общем фоне типологически схожих случаев. Обзор «алкогольной темы» в русской литературе без сомнения мог бы послужить материалом обширного исследования, но его ключевые слова находятся несложно: с одной стороны, это бегство от рутины повседневности, забвение, восторг и вдохновение, с другой — горе, но и жертва, безысходность, но зато и жизненная правда, сострадание и любовь. Применительно к российской культуре показательным и важным здесь остается столкновение собственно поведенческих и дискурсивных моделей риторики, а ведущей темой — пьянство как своего рода путь самопожертвования, богоискательства и морально-нравственного преображения.

В докладе «*Обнаженная натура в “новом искусстве”*: стратегии деэротизации» Анна Петрова (Музей русского импрессионизма, Москва) проследила историю обнаженной натуры, «легализацию» и оправдание этого жанра в европейской и русской живописи конца XIX — первой четверти XX века на фоне изменений социальных и экономических условий жизни.

Елена Куранда (независимая исследовательница, Санкт-Петербург) в докладе «*Мечта о маленьком доме как guilty pleasure Игоря Северянина*» рассмотрела стихотворение 1915 года «Поэза Русскому Обществу» с финальным призывом: «Русское общество! Дай же мне маленький дом!» Исследование основано на архивных материалах и текстологических наблюдениях, ведь речь идет о никогда не публиковавшемся тексте, изначально написанном для шестого тома «Собрания поэт» «Тост безответный» (1916, изд. В.В. Пашуканиса). Стихотворение не опубликовано до сих пор (сохранилось в наборной рукописи) и упоминается только в словаре неологизмов Северянина из-за слова «жизненосец». Вследствие этого содержание доклада касалось не репрезентации стыда / постыдного удовольствия, а сокрытия этой репрезентации в творчестве Северянина. Докладчица сосредоточилась на причинах того, почему мечта о доме, полученном от Русского общества, казалась поэту постыдной, видя одну из них как литературоцентрическую, которая восходит к оппозиции «поэт — буржуазное общество», имеющей большое значение в литературной традиции, в том числе в творчестве Игоря Северянина.

Константин Богданов обратился к докладчице с вопросом: был ли, по ее мнению, поэт цельным, последовательным художником и человеком или он всю жизнь

примерял на себя разные маски? Ответ докладчицы однозначен: Северянин был цельным, работоспособным и трудолюбивым художником, а его тексты следует рассматривать как личный и откровенный дневник.

В следующем выступлении, «*Некоторые замечания об обэриутских guilty pleasure*», Александр Кобринский (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) рассмотрел в своем докладе критерии понятия «guilty pleasure» у обэриутов, показав, что они ориентировались на целый ряд разнонаправленных эстетических векторов, формировавшихся как в широком пласте русского авангарда, так и внутри небольшой группы единомышленников, поэтов и философов. При этом было показано, как на практике могут смещаться и инверсироваться представления о массовости и элитарности, коммуникации и автокоммуникации, авангардности и традиционности, а также о явлениях быта и литературы. Так, в частности, докладчик рассказал о том притяжении и отталкивании, которое испытывали обэриуты по отношению к Борису Пастернаку. В 1926 году Даниил Хармс и Александр Введенский писали к нему с просьбой о публикации в альманахе объединения «Узел», но уже к 1934 году их отношение по разным причинам сменилось на резко негативное, а чтение стихов Пастернака стало восприниматься как постыдное guilty pleasure и перформатив, разрушающий эстетические представления обэриутов.

Алина Соломонова (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург) посвятила свое выступление «*От постыдного удовольствия к “Межработфильму”*»: эскиз к истории кинопросмотров в России и Германии в первой трети XX века» практикам кинопросмотра и коммуникации с оглядкой на пропаганду, социальную критику, стратегии обхода запретов провокационных тем, попытки воспитания зрителя. Докладчица задалась вопросами: могут ли быть объединены методология истории кинопросмотров и методология истории чтения? что считалось в эстетике раннего кино постыдно дурным вкусом? Виктор Шкловский писал в статье «Сюжет в кинематографе», что измученные работой писатели придумали «машинку для сюжетов»: клишированные ситуации и предсказуемый набор героев. Визуальная шаблонность и постыдно банальные штампы (например, связанный персонаж на рельсах) непримиримо порицались многими критиками. Так, Лотта Эйслер писала о фильме «Фауст» признанного режиссера Фридриха Мурнау: «сцены, напоминающие лубочные открытки».

В дискуссии после доклада речь зашла о методологии исследования зрительского восприятия: насколько можно доверять жанру «письма в газету» и публичным отзывам? Ответ на этот вопрос требует своих оговорок и остается открытым.

Второй день конференции открылся докладом Виктора Вахштайна* (Ариэльский университет, Израиль) «*Лицемерие и морализаторство: два основания социального порядка в микросоциологии*» о концептуализации лицемерия в социологии с опорой на работу «Анализ фреймов» Ирвинга Гофмана. В свете микросоциологии базовая аксиома лицемерия определяет социальную жизнь, а уличение в guilty pleasure разрушает не только репутацию человека, но и наше представление о своей самоидентичности: всего лишь одно неверное действие заставляет нас сомневаться во всей жизни и всех действиях «оступившегося». Институциональные формы обвинения в постыдных удовольствиях продолжают изменяться — от коллективного суда на партийном собрании до коллективного же осуждения студентами профессора, чье пристрастие к эротическим фильмам случайно и неловко раскрывается публично: современное негодование, помноженное на возможности социальных сетей, представляет собою смесь разговора на светской вечеринке и карательной службы по надзору за нравственностью граждан.

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

Доклад Галины Лесной (МГИМО, Москва) «*Пьедестал или грязь*»: *Леся Украинка об образе “новой женщины” во французской беллетристике конца XIX века*» рассматривал отношение писательницы к «женскому вопросу» в литературе. Цитата, вынесенная в заглавие доклада, относится к статье самой Леси Украинки «Новые перспективы и старые тени», напечатанной в петербургском журнале «Жизнь» в 1900 году. Женская эмансипация для писательницы представлялась ключевым вопросом в мировой литературе, поскольку по положению женщины можно судить обо всем обществе. В своем критическом отклике Леся Украинка заключает, что французская литература, в прошлом создав яркие стереотипы женских образов, отстала от времени и от развития других мировых литератур и не способна преодолеть рамки комплимента (пьедестал) или брани (грязь) по отношению к женщине. Женская тема, по мнению Леси Украинки, достигла большего развития в норвежской, немецкой и русской литературах: «Тем временем именно за эти последние тридцать лет литература о женщине и сама женщина значительно прогрессировали в других странах. Дальше всех пошла в этом направлении Россия, где женский вопрос считается теоретически решенным, да и практически женщина там пользуется гораздо большей материальной и нравственной независимостью, чем в Западной Европе, что сразу бросается в глаза даже поверхностному наблюдателю и лучше всего чувствуется самой русской женщиной, когда ей приходится попадать в западноевропейскую обстановку». Лицемерие же, по мнению писательницы, заключается в том, что французская литература считается самой передовой не по праву, а по способности облекать средние мысли в «эффектные одежды».

Людмила Кастлер (Университет Гренобль-Альпы, Франция) в докладе «*Невыносимая легкость постыдных удовольствий (через призму Чехова)*» уделила внимание репрезентации тех чеховских персонажей, которые, будучи гедонистами, испытывают некий стыд или конфуз перед окружающими за свои предосудительные пристрастия. Прежде всего, это Леонид Андреевич Гаев, хрестоматийный бонвиван из пьесы «Вишневый сад», которому автор приписал массу забавных удовольствий. Некоторые из них, как, например, склонность к высокопарным речам, не одобряются его окружением. В содержательном и этическом плане интересно то, что чувство стыда у Гаева (иногда наигранное) подчеркивает искреннее чувство вины у его сестры Раневской.

Элеонора Шафранская (МГПУ, Москва) посвятила свое выступление «*Случай Усто Мумина*» драматической судьбе художника Александра Васильевича Николаева (1897—1957). В 1920-х годах он переезжает работать в Самарканд и под влиянием нового культурного окружения изменяет всю свою жизнь, берет псевдоним, под которым и войдет в историю искусства, увлекается исламом, якобы даже принимает его (что не доказано) и создает фантастические картины, часто портреты восточных юношей, которые впоследствии и дадут повод к пересудам о «постыдных удовольствиях» и возможной гомосексуальности художника. В 1938 году художник был арестован НКВД по обвинению в контрреволюционной деятельности, освобожден в 1942 году, продолжил работать в Ташкенте, но своих изящных и загадочных юношей больше не рисовал. Для Элеоноры Шафранской вопрос о личных предпочтениях художника остается открытым, она также справедливо указывает, что само восприятие его картин 1920-х как «гомоэротичных» — лишь одно из возможных определений его уникальной художественной системы³. Этот доклад дал повод лишний раз задуматься о том, как часто мы пытаемся упростить искусство и поставить его на службу политике, идеологии, социальному порядку, забы-

3 Подробнее о жизни и творчестве Усто Мумина см.: *Шафранская Э. Усто Мумин: превращения*. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023.

вая о том, что художник — мастер превращений, путешественник, странник и в своем искусстве всегда больше наших узких представлений о его исторической личности.

Следующим выступил *Михаил Егоров* (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского) с докладом «*Приличное неприличное: удовольствия в романе Эдуарда Лимонова “Это я — Эдичка”*». По мнению исследователя, роман Лимонова интересен тем, что его автор последовательно инсценировал предпочтение удовольствиям трансгрессивным, бесстыдным, выглядящим более объемными, выпуклыми в общей структуре сюжета. Удовольствия же, общественно поощряемые, словно бы имеют иллюзорную основу, всегда оказываются связаны не только с положительными, но и в первую очередь с негативными эмоциями. «Запретные» удовольствия и «разрешенные» относительно друг друга выступают в романе чем-то вроде дерридианского восполнения (supplement), как помехи друг другу, которые в то же время являются необходимыми условиями для возможности обоюдного отчетливого существования и восприятия.

В докладе *Марии Александровой* (Нижегородский государственный лингвистический университет) «*Аморалка” и “человек желающий”: “Ванька Морозов” Булата Окуджавы в контексте советской культуры»* были рассмотрены сюжеты стремления к общественно порицаемому удовольствию и платы за него на примере «Ваньки Морозова» (1957) Булата Окуджавы, «Красного треугольника» (1963) Александра Галича и «Невидимки» (1967) Владимира Высоцкого. К анализу этих произведений докладчица привлекла концепции «советского человека» Юрия Левады и «ложной аскезы» Михаила Эпштейна, фиксирующие тенденцию советской культуры контролировать желания, осуждать заинтересованность в личном удовольствии и выдавать нужду за добродетель. В такой системе ценностей допустимо лишь коллективно переживаемое удовольствие, наслаждение как плата за труд. «Человек желающий» всегда под подозрением, а его удовольствия всегда постыдны и требуют общественного порицания. Окуджава, Галич и Высоцкий в своих произведениях отвоевывают «человека желающего» у общественной морали.

Доклад *Ярославы Захаровой* (Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Германия) «*Стыд за литературу и границы интерпретации: Вебер против Пригова»* посвящен попыткам наметить антропологическую перспективу в вопросах оценки художественного произведения и прояснить роль личных мотиваций таких оценок на примере журнальной полемики 2005 года между поэтом и переводчиком Вальдемаром Вебером и художником Дмитрием Приговым на страницах журнала «Иностранная литература».

В докладе *Веры Полищук* (независимая исследовательница, Санкт-Петербург) «*Вуайеристические мотивы в прозе Набокова»* речь шла о том, какие функции выполняет описание социально порицаемых и табуированных сексуальных практик, вуайеризма и вуайеризма в сочетании с мастурбацией. В частности, была рассмотрена сопоставимость этих описаний с широко представленными вариантами подглядывания и соглядатайства в целом, от шпионажа до охоты. Основную задачу своего сообщения докладчица сформулировала как еще одно указание на связь между совокупностью сексуальных мотивов и общей темой зрения и слепоты — ключевой, по ее убеждению, в набоксовской концепции творчества и мироустройства.

В докладе *Гульчиры Гариповой* (Московский городской педагогический университет) «*Сублимация стыда в этике “разрушающего эроса”: художественные репрезентации второй половины XX — XXI в.»* был представлен компаративный анализ сублимации стыда иеротопического пространства-сознания рефлексирующего героя в русской романистике второй половины XX — XXI века. Сублимацию стыда, по ее мнению, организует антиномизм чувства стыдливости и эмотивного

состояния наслаждения, будучи вместе с тем защитным механизмом психики, ответной реакцией на подавление страха «узнавания». Такой стыд фиксирует не социальные составляющие стыда узнавания, а именно экзистенциальные, связанные с проблемой личного самоузнавания или с сексуальными импульсами, инвестированными в «я». Так, в рассказе А. Битова «Пенелопа» герой сублимирует стыд через иллюзию своей «независимости», освобождает себя от ответственности, а страх социального узнавания выражается в тревожных переживаниях «недоброкачественного стыда» (И. Роднянская), предосудительного удовольствия от осознания своего превосходства и предвкушения сексуального удовлетворения. В романе Петра Алешковского «Рыба. История одной миграции» стыд узнавания запретного сакрального сублимируется в предосудительное наслаждение, стыд разрушения сокровенного «телесного» сублимируется в эмпатическую боль и эмпатическую любовь-самопожертвование как высший смысл бытия героя «пришельца-неофита». В романе Анри Волохонского «Роман-покойничек» бесстыдная «плоть тела города» становится сквозным образом, который разворачивает картину «плоти тела имперского мира». В романе Киора Янева «Южная Мангазея» практически все героини свои экзистенциальные и социальные страхи, неприятие «имперского мира» сублимируют в стыд бесстыдства, но не как нравственное чувство, а как порождаемый загнивающим миром «классический набор атавизмов, стыдный для арийской расы», прикрываемый эротическим удовольствием и безумием как знаками безумной имперской (опять же советской) эпохи.

В целом тематическое и дисциплинарное разнообразие конференции (не)лишний раз напомнило об изменчивости как самих чувств и эмоций, так и непостоянстве регулирующих их норм. Литература и искусство — опыт экспериментальной и визионерской проверки социальных условностей «на прочность», разработки сценария еще не существующего, но возможного мира, открывающего доступ к сфере Воображаемого. Внимание к метаморфозам индивидуального самоощущения и стремление контролировать его предписаниями политического и социального приоткрывает то обстоятельство, что эти предписания не даны как таковые, но создаются теми, кто использует их в качестве идеологической ширмы «социального порядка», «вечных истин» и т.д. Но история культуры, вопреки всему, обнажает спорные вопросы тем, что создает и пересоздает все новые пространства «предосудительных удовольствий».

Ярослава Захарова